

АПЕЛЬ (Arel) Карл-Отто (р. в 1922) — немецкий философ, один из основоположников современной версии философии постмодерна. Окончил Гетевский университет (Франкфурт-на-Майне), где в 1972 стал профессором философии. Ученик Э.Ротхакера; испытал влияние концепций Пирса, Хайдеггера, Витгенштейна, Гадамера, Остина, Хабермаса, Дж

.Серля.

Основные сочинения: "Идея языка в традиции гуманизма от Данте до Вико" (1963), "Трансформация философии" (1973), "Идея трансцендентальной грамматики" (1974), "Идейная эволюция Ч.С

.Пирса: Введение в американский прагматизм" (1975), "Теория языка и трансцендентальная грамматика в свете вопроса этических норм" (1976), "Новые попытки объяснения и понимания" (1978), "Контроверза "Объяснение-Понимание" в свете трансцендентального прагматизма" (1979) и др. Фундаментальной основой философии А. является презумпция "лингвистического поворота" в философии, понятого в качестве "трансформации prima philosophia в философию языка" и ориентирующего философское исследование на анализ языка как исходной реальности человеческого бытия (в этом контексте А. солидаризуется с цитируемой им позицией Гельдерлина: "мы есть, начиная с разговора").

По определению А., "философия сегодня сталкивается с проблематикой языка как основополагающей проблематикой научного образования понятий и теорий и своих собственных высказываний, а это значит — осмысленного и интерсубъективно значимого выражения познания вообще". Философия, таким образом, не является более ни моделированием "бытия", "сущего" или "природы", т.е. онтологией, ни рефлексией над "сознанием" или "разумом", т.е. гносеологией, становясь отныне реакцией на "значение" или "смысл" языковых выражений ("анализом языка"). В качестве основных лейтмотивов современной философии А. выделяет следующие: 1) "первый лейтмотив обусловлен ориентацией на форму языка"; 2) второй — "интуицией контекстуальности предпонимания феноменов, контекстуальности, в свою очередь обусловленной среди прочего также и языком: ведь он позволяет оценить то искусственное и случайное, что оказывает влияние на исторически обусловленную подоснову жизненных миров". Согласно А., названные лейтмотивы задают в современной философии языка новую традицию, которая по

своей природе является одновременно и постметафизической, и постфеноменологической: «оба эти лейтмотива почти полностью дискредитировали в наши дни гуссерлианскую претензию на обоснование философии в качестве строгой и беспредпосылочной науки, апеллировавшую к аподиктической очевидности усмотрения категорий или интуитивного постижения сущностей» (см.).

Согласно апелевской рефлексии, разрешение сложившейся в современной философии языка ситуации может быть определено как конституирование «трансцендентальной семиотики, которая в качестве трансцендентальной прагматики языка преодолевает недостатки семантического анализа языка, благодаря чему она и включает в себя феноменологическую очевидность». Конституируемую им философскую концепцию языка А. артикулирует в этом контексте как «попытку снятия феноменологии трансцендентальной семиотикой». Стремясь избежать парадигмальных крайностей субстанциальности онтологизма и внесубстанциальности аналитической философии, А. строит «трансцендентально-герменевтическую» концепцию языка, основывая ее, с одной стороны, на признании того, что «язык является трансцендентальной величиной», а с другой — фиксируя своего рода виртуальность его статуса как «условия возможности диалогического взаимопонимания и понимания самого себя». В свете этой установки А. анализирует роль языка не только в герменевтических процедурах «понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия», протекающих в рамках субъект-объектного отношения, но — в первую очередь — в контексте субъект-субъектных отношений. Эти отношения трактуются А. как интерсубъективная коммуникация, которая в принципе «не может быть сведена к языковой передаче информации», но «является одновременно процессом достижения согласия». Язык выступает в этом контексте не только механизмом объективации информации и экспрессивным средством, но и медиатором понимания.

Более того, коммуникация мыслится А. как основанная на предпонимании, условием возможности которого является «языковой консенсус», т.е. «согласованное понимание смысла в неограниченном коммуникативном сообществе». А., таким образом, дистанцируется от трактовки языка в классической философии, в рамках которой процессуальное понимание «уже выражено, отчуждено и установлено на долгий срок» в логически артикулированных структурах (наподобие гегелевского «объективного духа»); от обыденного языка, который трактуется А. в духе Хомского — как своего рода *performance*, презентация языка в ткани конкретно-ситуативной языковой практики; от искусственных языков, представляющих собою, по А., «лишь приватную актуализацию неизменной системы формализма». Оригинальная концепция языковой коммуникации А. конституируется в контексте его трактовки языковых практик в качестве языковых игр. А. обосновывает свою позицию тем, что, во-первых, коммуникативная речевая практика, будучи зависимой от лексического дискурса и связанная необходимостью следовать грамматической организации языка, изначально построена на презумпции «следования правилу», а во-вторых, порождает

внутри ограниченного правилами пространства бесконечное число вариантов своего разворачивания (вариативность «семантических каркасов»). В этой связи акты речевой коммуникации представляют собой, по А., языковые игры.

Знак в данном контексте может быть, по А., функционально использован по следующим регистрам: а) «в смысле категории первичности: иконическое использование знака, чтобы схватить протоколно бытие как таковое в ходе окрещивания-называния данного феномена»; б) «в смысле категории вторичности: использование знака как индикатора для идентификации по отношению к ситуации объекта именования, существующего и причинно обуславливающего чувственное восприятие»; в) «в смысле категории третичности: символическое использование языка для опосредования первичности и вторичности — в частности, для определения экстенционального значения данного имени (что уже начато определением через индикаторы) и установления связи с интенциональной детерминацией соответствующего понятия (детерминации еще ожидаемой, но принципиально возможной)». Концепция языковых игр А. знаменует собой новый этап развития философии постмодерна. Если трактовка языковых игр Витгенштейном предполагала опору на взаимодействие между субъектом и текстом как возникающим в контексте языковых практик, а в рамках философии постмодерна процедуры отношения к тексту приобретают статус исходно-базовых, то А. трактует языковую игру как субъект-субъектную коммуникацию, участники которой являют друг для друга текст — как вербальный, так и невербальный. Такой контекст не только выдвигает на передний план герменевтическую подоплеку языковой игры, но и задает особую артикуляцию проблематики понимания как взаимопонимания ее участников. В парадигме доапелевского постмодерна, который сегодня с достаточной степенью правомерности может быть оценен как постмодернистская классика, текст понимался как «децентрированный» и подлежащий «деконструкции» (Деррида), как принципиально аструктурная «ризома» (Делез и Гваттари), допускающая любые возможности своего «означивания» (Кристева), что с неизбежностью предполагало примат судьбоносного «означающего» над «означаемым» (Лакан).

Современная же (постапелевская) версия постмодерна смягчает ранне-постмодернистский радикализм, отчасти восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики и генетически восходящую к экзегетике презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у А. в качестве презентации содержания коммуникативной программы партнера в контексте языковых игр, которые реализуются, таким образом, как «сплетенные с жизненной практикой прагматические квази-единицы коммуникации или взаимопонимания». Выступающий в качестве текста коммуникативный партнер не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий игру) плюрализм своего прочтения, тем не менее предполагает аутентичную трансляцию семантического ядра своего речевого поведения в сознание другого, который вне этой реконструкции смысла не конституируется как игровой и коммуникативный партнер. Сама ситуация языковой игры, таким образом, требует в качестве условия своей возможности понимания как обоюдно взаимной реконструкции имманентного смысла произносимых текстов, а понятийно оформленное «языковое понимание в коммуникативном

сообществе" выступает необходимым "регулятивным принципом" коммуникации, предотвращая возможность ее обрыва, языковой изоляции субъекта, теряющего не только партнера и себя в качестве партнера, но и саму возможность обретения смысла. В этом отношении, по самоопределению А., осуществленная им "трансцендентально-герменевтическая рефлексия условий возможности языкового взаимопонимания в неограниченном коммуникативном сообществе обосновывает единство *prima philisophia* как единство теоретического и практического разума", а фигура А. выступает рубежной фигурой перехода от классического постмодерна к современному (см. After-postmodernism).

М.А. Можейко